

Андрей Драгунов

Доказательство одинокчества

мысли, рассказы, пьесы

Андрей Драгунов

Доказательство одиночества

«Издательские решения»

2015

Драгунов А.

Доказательство одиночества / А. Драгунов — «Издательские решения», 2015

Пока растёт дерево, даже если верхние ветки уже отсохли, есть возможность быть незабытым, как минимум — Ангелами. Автор выражает благодарность за помощь в создании и издании книги своим близким: Татьяне Захаровой, Игорю Кучину, Сергею Лиходееву.

Содержание

Моим стихам	6
Доказательство одиночества	11
Между вещью и пылью	13
Утро было прохладным...	15
Деньги кончились – пора подумать о жизни вечной	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Доказательство одиночества мысли, рассказы, пьесы

Андрей Драгунов

© Андрей Драгунов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Моим стихам

*Так, без хозяина в путь отправляешься
мой малый свиток...*

Овидий

Что ж, без хозяина ты отправляешься в путь.
Больше мне нечего дать, да и надо ли больше...
Будет водица холодной слезой по чуть-чуть
путь окроплять, отсылая всё дальше и дальше,
как бы стараясь помочь, но опять не туда.
Новые руки, которые примут – едва ли
будут с почтением перебирать. Без труда
пальцами мокрыми трогая список печали...
Но отправляйся – я буду писать тебе, в след
твой попадая, как некогда, чтобы не сгинуть,
шёл за товарищем, не получая в ответ
малую долю тоски, что корячилась в спину.
Я же старался, всегда доверяясь тебе,
как одному из немногих, кому можно верить,
если не боль и тоску о несчастной судьбе,
то одиночество в сумме с печалью доверить,
чтобы однажды, когда ты отправишься в путь,
яркая краска не смыла, рука не затёрла
то, что сославший тебя не сумел зачеркнуть,
чтобы тебя за меня не схватили за горло...
Чтобы когда-нибудь в месте, не знавшем меня,
ты очутился и чьи-нибудь добрые руки
вдруг согласились, меня за ошибки виня,
всё сохранить – просто так, даже, может, от скуки...
Чтобы тогда, среди прочих забот о судьбе,
как – не о жизни, осталась какая-то малость,
переносимая только во мне в тебе,
как драгоценность, что будто в наследство досталась
от соглядатая, что не спешит указать
правильный путь и флажками разметить дорогу
для возвращения, чтобы в итоге сказать:
«Все хорошо. Ты свободен теперь, слава Богу!..»
Но одиночество учит порядку вещей
тех, что твои, а не чьи-то... Бумажная память —
всё же надёжней воды, что почти без затей
перемывает по берегу мелкие камни.
Только теперь, когда ты совершенно один —
Время – не я – твой попутчик в означенной жизни.
Как там у классика-женщины? – «холод рябин»
освобождает не то что от жизни – от мысли. —
Так и выходит – тебе одному, без меня,

даже без друга, что был до последнего верен —
к новым пределам, где, может, круглее земля
и обозримее для понимания Время,
что будто спит здесь, где я коротаю свой срок,
где тополя и немного корявые вязы
вид украшают присутствием и между строк,
как запятые, торчат, хоть ничем не обязан
им переписчик своей непутёвой судьбы,
но и игра в поддавки — не годится для жизни,
пусть и вдали от Империи, но у воды,
перебирая в руках — не монеты, но числа,
что предсказатель сложил, как порядковый сон
между вчера и каким-то невидимым завтра,
где обитает, как в детстве, раскрашенный слон,
и молоко с неизменной овсянкой на завтрак,
чтобы я вырос здоровым... Теперь ни к чему
всё вспоминать — у тебя есть другие заботы,
вдаль отправляясь, но тень догоняет суму,
где ты до времени, как ни сказать — до работы,
что без хозяина будешь вершить ты один.
Если сподобит Господь — доживёшь до обложки
в мелкий рисунок какой-нибудь... Я до седин
к этому времени, видимо, если немножко
нам повезёт, и тогда различимей черты
станут во Времени или, хотя бы, в пейзаже,
чтобы туда, где теперь согреваешься ты,
звук доходил и какой-нибудь сторож на страже
не донимал. Чтобы дольше, чем чай на столе,
тёплые руки хранили следы пребывания
в этом пространстве, как листья — ещё в октябре
помнят о жизни и не унимают роптанья.
Помни, тебе одному завершать этот круг
из нерасписанных букв и потерянных чисел,
как среди сосен в лесу, если встретится вдруг.
Только под ноги смотри, а не балуйся высью —
там и без нас достаёт — невозможный предел —
в распоряжении: бумага, судьба и чернила.
И ничего из того, что когда-то хотел:
булка, зефир, колбаса и бутылка кефира,
чтобы не сдохнуть от голода и от тоски.
Время, конечно же, лечит, но слишком накладно.
Да и карманы пусты. И пути коротки,
чтобы всё вышло, как надо — красиво и складно.
Но не гляди — там до неба нехоженный лес,
и, углубляясь всё дальше в дремучую чашу,
жди не каких-нибудь милых невинных чудес,
а кровожадных злодеев, причём — настоящих! —
что за полушку развяжут немому язык.
Не говори им, откуда ты вышел на волю —

в этом спасение! И откровения миг.
Просто молчи – я с тобою. Поверь мне, с тобою.
Если и выпадет вдруг расплатиться за всё,
сгинув в какой-нибудь яме с остатками пищи,
то соглядайте тебя непременно прочтёт
и обязательно с этих разбойников взыщет.
Ну а пока отправляйся. Количество лиц,
знавших тебя, неизменно стремится на убыль.
Тех, кто читал содержание этих страниц,
Время уже превратило в навоз или уголь,
или во что-то ещё. Но чернее листы —
даже не памятью, чтобы вовеки остаться,
точно на клумбе, где только трава и цветы
могут со временем в летнюю пору сравняться —
лишь продолжением. Чтобы закончит урок,
т. е. мои наставления, как бы на память,
я завязал в уголке у тебя узелок.
Слева, в углу, чтобы можно потрогать руками
при первой встрече. Моё сохраняя тепло
или хотя бы слова, что черны на странице —
путь будет лёгким, куда бы тебя ни несло
по воле волн. И ничего не случится.
Я же, тебя дожидаясь, состарюсь уже.
Может быть, даже и свидеться нам не придётся,
но остаётся надежда – банально – в душе,
что для тебя, между прочим, местечко найдётся,
где совершенно неважно – откуда приплыл
или пешком по степи доплутал до границы,
где коротал свои дни и где ночь сторожи,
чтобы дожить до рассвета, что вновь повторится,
но не в пример написавшему. Короток день.
В путь отправляйся, мой стих. С наступающим утром
всё и начнётся, наверное. Та дребедень,
что так звонка, что становится несколько мутно
даже в прозрачной воде, но вода не предел —
облако выплывет и заберёт восвояси,
слившись с печалью, тоской и судьбой – между дел,
если погода позволит и снег в одночасье
всё не разрушит и не перекроет следы,
чтобы дорогу найти, возвращаясь обратно,
как по зарубкам в лесу. Переживший всё ты —
горечь потерь – согласишься теперь, вероятно,
что одиночество учит, а Время идёт,
даже когда холодеют от страха ладони,
что, заплутав, никогда и никто не найдёт
в тёмном лесу. Никогда – ни вчера, ни сегодня.
Только бумага способна ещё пережить
всю эту боль, сохранить, как волшебное слово,
как на погосте участок тебе застолбить,

перемещая всё дальше – и снова, и снова,
чтобы уже навсегда. Обозримая даль —
где-то за облаком маяться. За облаками
движутся вместе: судьба и тоска, и печаль,
но прикоснуться возможно – лишь только в названии,
чтобы опять не разрушить и не соскрести
с мёрзлого камня снежинки, как вечную память
о пережитом когда-то. У вечной реки
только и есть, что вода и намытые камни
в мелких проплешинах, но дошлифует рука,
чтобы уже избежать среди букв многоточья,
если, конечно, возможно, но тянет река
вслед за волной, заполняя собой междустрочье
в тексте, что ты сохраняешь, не ведая страх,
но чтоб не случилось – волна приплывает обратно
вместе с камнями, как урна, хранящая прах,
чтобы напомнить – кто есть ты, опять, вероятно...
И среди прочего – ты остаёшься один.
Гладкие камни лежат на столе. Сигарета
долго дымится среди неизвестных картин —
что-то на них из пейзажа, наверное – лето.
Лето, когда ты с оказией двинулся в путь.
Я коротал вечера, ожидая известий
о пребывании. Пробовал даже уснуть,
чтобы короче казалась тоска об отъезде,
но не дождался – корабль заплыл не туда.
«В списках не значится», – так мне на почте сказали.
Может быть, шутка или чья-нибудь злая игра
или трагедия, что обещали вначале.
Только куда же теперь – за чернильным листом —
вдоль по волнам или в лес, по зарубкам сличая
гиблое место, оставив уже на потом
поиск виновных, что прячутся где-то за краем,
где и, должно быть, твои потерялись следы.
Так, без хозяина, ты обживаешь пространство,
смерив уже по колено воды и беды,
где все слова о любви, как за завтраком «здравствуй» —
т. е. сомнение – будет ли чай на столе
или опять подадут неразбавленный кофе —
слишком горчит, чтоб участвовать в этой игре —
мерзкой на вкус, но горячей и – миленькой в профиль.
Мне же теперь остаётся кромсать календарь
в выборе времени, места и, может быть, даты,
где всё закончится, передвигая словарь
в сторону тех, кто, должно быть, во всём виноваты.
Только к чему? Ты живёшь и, наверно, тебе
так, без хозяина – лучше. Наверное – лучше!
Без размышлений о жизни, там, и о судьбе —
но отзовись как-нибудь, если выпадет случай.

Лучше всего напиши – пара строк на листе
душу согреют. «Вода» размочалит границы
вместе с камнями. Явись, ну, хотя бы, во сне —
Время – потерпит. И ничего не случится.

февраль 1–2 2013 г.

Доказательство одиночества

1

Главным и, пожалуй, единственным фактором одиночества является желание не впасть в зависимость от кого-либо и, еще более важная часть этой проблемы (если проблемы) – не стать обузой той или иной половине здравомыслящего человечества. Так как большую, и должно быть не худшую, часть обеих половин заботит состояние погоды в окне и стоимость на сегодняшний день килограмма ветчины в ближайшем магазине. Но, как гласит пословица: «Нельзя ругать волка за то, что он ест мясо...» И здесь стоит оговориться, т. к. речь идет не о заурядных обывателях и домохозяйках, а о людях в той или иной степени причастных к литературному творчеству и, в частности, к поэзии. Вот их форма существования и является объектом нашего внимания.

2

Находясь, зачастую, с другой стороны зеркала (подчас венецианского) и, являясь, скорее – продолжением, нежели отражением – понимаешь не только, что ты не такой как все, но еще и то, что рано или поздно придется отвечать за все написанное тобой. И не перед милыми здравомыслящими, а, как минимум перед самим собой и, как максимум – перед Всевышним, что заранее не гарантирует счета в твою пользу. Поэтому только одиночество гарантирует свободу передвижения, по крайней мере, в границах белого бумажного листа, что с годами чернее и чернее, не оставляя шансов на возвращение и, тем более – на прекращение написания.

Одиночество в лучших и, по счастью – немногочисленных своих проявлениях (заключение в одиночной камере не вызывает восхищения, за очень редкими исключениями, хотя количество эмоций присутствует в должной мере и в этой ситуации) является частью литературного процесса. Сам факт существования произведения – продукт длительного одиночества, не беря во внимание перо и бумагу. И до определенного времени, порой очень не обозримого, является достоянием одного единственного человека – самого автора, если, конечно, заранее не подразумевается соавторство. Но и в этой ситуации, одиночество, скорее, удваивается, нежели разрушается присутствием второго, третьего и т. д. И сам вопрос соавторства весьма закономерен, потому как – один соавтор у человека пишущего, тем более поэта – всегда существует. И Его постоянное, порой трепетное, участие не вызывает сомнений, если, конечно, не вызывает сомнений присутствие Его инструмента – таланта, со всеми его составляющими.

3

Но далеко не все, занимающиеся написанием прозы, стихов и т. д. избирают для себя форму существования – одиночество (в силу своих внутренних возможностей, в конце концов, таланта). Многим просто необходимо определенное окружение, пусть не самого высокого качества, но без которого они не мыслят своего существования в литературе. Потребность в постоянном внимании и, если, не в восхвалении, то, по крайней мере, в позитивном должном отношении – определяющие такого творчества. И иногда в этой среде появляются довольно яркие представители культуры, но массовой. Наиболее существенными носителями этой массовой культуры в российской поэзии являлись и, в какой-то степени, являются два экстравагантных, даже по внешнему виду, не говоря о написании стихов, поэта: Андрей Вознесенский и Евгений Евтушенко. Их стадионная и площадная поэзия еще у многих на слуху, еще выходят, хотя и иногда, сборники их стихов, но к их великому сожалению – почитателей все меньше... И остается выпускать телепрограммы, пусть и имеющие отдаленное отношение к литературе,

изобретать некие графические каламбуры¹, читать довольно приторные и мало относящиеся к поэзии лекции и т. д. Все это следствия, если не торговли, то, по меньшей мере, подторговывания поэзией и, как результат этого – одиночество, но уже совсем другого рода. Всякого вида измышления такого рода на бумаге, пусть и заключенные в определенную форму, имеют, если имеют, весьма незначительное отношение к литературе вообще и являются, в основном, сиюминутными проявлениями, необходимыми в данное время и в определенной ситуации, но не всегда!

4

Противной стороной этого вопроса являются поэты, избравшие сознательно или подсознательно, единственно возможный для себя и своего творчества – в основном, вариант написания – одиночество.

Не избирая в пример какого-то одного поэта, что не всегда является действительным положением вещей, не отдавая предпочтения той или иной школе, хотелось бы остановиться на трех, на мой взгляд, самых интересных поэтах XX века: Осип Мандельштам, Марина Цветаева, Иосиф Бродский.

Положение этих троих на бумаге (очередность в написании имен) – это не предпочтение тому или иному, а лишь сохранение действительности убывания, т. е. – смерти.

Она (смерть) уравнила всех троих в правах на первенство, предоставив право выбора, если не нам, то времени... И, находясь на границе века, можно с уверенностью говорить не о «великой четверке²», но о «великой тройке», не умаляя ни сколько вклад в поэзию двух других (Б. Пастернак, А. Ахматова.). Но их творчество – это тема для другого разговора.

¹ Имеются в виду телепрограмма Е. Евтушенко «Поэт в России больше, чем поэт.» и довольно известное произведение А. Вознесенского «Видеомы»

² Борис Пастернак, Анна Ахматова, Осип Мандельштам, Марина Цветаева.

Между вещью и пылью

I

Обычно всё начинается не так, как планируешь. Или не совсем так. Потому что всегда находится что-то, что обязательно изменит происходящее в данный момент. Случайность, случай, фатальность – вещи вообще не предсказуемые. И та непериодичность, с которой эти вещи происходят, если не обескураживает, то, по меньшей мере, приводит в недоумение.

Так, возвращаясь с похорон близкого тебе человека, который умер двое суток назад, и, находя в своём почтовом ящике письмо от него – понимаешь, что не всё так просто, как это казалось в начале... Получение такого рода посланий наводит на разные мысли по поводу получения писем и почты в целом, ибо получение писем – есть, вообще, надобность возраста. Здесь прямая зависимость: чем старше становишься, тем в большую зависимость попадаешь. Получение, как и написание писем, в частности, и текстов, вообще – сродни наркотику (кажется, повторяю чью-то мысль, но высказанную, по-моему, по другому поводу): попробовав однажды, больше не можешь отказать себе в этом удовольствии, какими бы тяжелыми ни были последствия... О последствиях вообще не задумываешься, ввязываясь в ту или иную авантюру. Ведь литература, а именно к ней (в той или иной степени) относится написание писем, это не что иное, как авантюра, которая неизвестно чем может закончиться или не закончиться. В написании текста вообще невозможно предугадать, чем все закончится. Зачастую текст заканчивается совсем не так, как ты это планировал, садясь за чистый лист бумаги. Речь (в данном варианте – письменная), обладая более мощными инструментами, способна завести автора в такие дали, о которых он (автор) даже не подозревал в начале своего диалога с бумагой.

В письме, как в варианте литературы и общения (посредством этой самой литературы), используются те же приемы и способы написания, что и при написании рассказа, повести, романа... Реже – стихов, потому что поэтическая речь, все-таки, вещь более древняя и потому более сложная, как для написания, так и для восприятия. Тем не менее, многие (в основном, и это вполне естественно, поэты) использовали при написании писем (не в рамках какого-то произведения, а писем как таковых) стихотворную форму. Временами, у некоторых, это довольно сносно получалось... Но при всем при том – главным и, пожалуй, единственным, достойным внимания во все времена, образцом письма, написанном в стихах, была и остается – Библия! – как бы парадоксально это ни звучало. Одним из первых о Библии, как о письме (в его бытовом понимании) заговорил шведский философ-мистик Эмануэль Сведенборг в своем трактате «О небесах, о мире духов и об аде», опубликованном в 1758 году: *«Что бумаги, писанные на небесах, являлись и пророкам, это видно у Иезекииля: «И увидел я, и вот, рука, простертая ко мне, и вот в ней – книжный свиток... и вот свиток исписан был внутри и снаружи...», «Небесное письмо было предусмотрено Господом ради Слова».* И там же, далее: *«У человека-духа те же внешние и внутренние чувства, какие были даны ему на земле: он видит, как прежде, слышит и говорит, как прежде, ... читает и пишет по-прежнему.»* И, в итоге, получение писем после смерти автора есть не что иное, как подтверждение того, что автор просто сменил адрес и, в конце концов, смерть оказывается не совсем тем, что мы о ней всегда привыкли думать.

И в итоге оказывается, что история не заканчивается со смертью главного героя или персонажа этой самой истории. То есть история продолжается и после смерти (причём, не только главного героя, но и всех действующих лиц вообще). Эта мысль перестаёт казаться кощунственной, если вспомнить, хотя бы ненадолго, античный театр – трагедию (козлиную песню). В трагедии персонажи не умирают один за другим или все вместе – это довольно редкое явление. В трагедии почти всегда умирает Хор или Вестник, хотя зачастую – ни тот, ни другой совсем не при чем. Взять, хотя бы, тещу или сестру – одна состарившаяся блядь, другая начинающая проститутка – обе больные на голову или чуть ниже! – но нет – за все их шалости отдувается

Хор (или вестник). Порой складывается впечатление, что эти двое и есть исторически достоверные лица – зачастую единственные во всей истории. И хотя со смертью Хора (или Вестника) сюжет истории только начинает разворачиваться, чтобы ни случилось в дальнейшем – во всём виноваты только они, единственные исторически достоверные персонажи. И в итоге все остальные действующие лица на протяжении истории лишь подтверждают свои имена... Одним словом – козлы. И требовать от них большего было бы, по меньшей мере, глупо.

II

Все более или менее приличные истории начинаются со смерти героя (главного действующего лица). Как это ни кощунственно и ни банально звучит. Но даже очень беглый взгляд на историю и литературу доказывает правоту вышесказанных слов. Самым, пожалуй, весомым доказательством данного высказывания является История (с большой буквы) Иисуса. Началось все со смерти, точнее, с убийства множества младенцев (ничего себе день рождения!) ... Да и все дальнейшие его деяния сопровождаются гонениями и смертями (к счастью, не по его вине, хотя это вопрос не такой уж и бесспорный, как мне кажется). Но это ничто по сравнению с тем, что началось после Его собственной смерти (убийства). Детектива из этого не вышло, но по накалу страстей сюжет даст тысячу очков фору какой-нибудь Агате или Жоржику. Все дальнейшие события, происходящие с современниками и потомками, естественным образом проецируются на случившееся с Иисусом.

Чего стоят одни только крестовые походы. Сколько народу «положили» для достижения единственно верной цели, что на самом деле являлось только обеспечением алиби своим собственным не благовидным поступкам. Территории, богатства, влияние и т. д. и т. п. А алиби, согласитесь, более чем существенное. Все остальное в том же духе: католическая и православная церковь – война (а по-другому это и не назовешь) за сферы влияния в рамках одной обозначенной (и, естественно, единственно верной религии), мусульмане и христиане – ну здесь хоть объекты поклонения разные, а цели и средства идентичны (уничтожение – именно – неверных, инакомыслящих, не поддающихся переубеждению) ... Сколько копий сломано в пылу сражений во имя Единственного и Неповторимого, сколько книг написано (с той и с другой стороны) в оправдание всех своих поступков, совершенных, якобы, по наставлению и с благословения... А сколько еще будет (и есть) повторений этого затертого, зачитанного до дыр (лучший голландские сыры плавятся от зависти) сюжета, который, с легкой руки Автора, начался разыгрываться на данной сценической площадке уже более двух тысяч лет назад. И какое его (сюжета) будет следующее определение – фарс или трагедия, как это и положено, если исходить из классической трактовки истории. «Место действия земля. Те же и Автор...». Согласитесь, не самое худшее «руководство пользователя» для нынешних, да и минувших, мафиози. Что-то общее проглядывает из всего этого. И это уже не литература и даже не переписка старых друзей (в худшем ее варианте), а что-то другое... И все это естественным образом связано со смертью Главного действующего лица (вопрос Воскресения оставим за границами данного текста, т. к. это, пожалуй, сюжет не нашего романа, хотя и там не все так безупречно, как кажется на первый взгляд)...

Утро было прохладным...

Так и не сделав факт своего существования достоянием истории, и не добившись почти ничего из того, о чем мечталось и чего хотелось в годы ранней и не всегда безмятежной молодости, Дмитрий Сергеевич Святозаров решил оставить все свои заботы и дела и уйти из дома. Каких-нибудь особых причин, побудивших его на этот поступок не было – ни видимых, ни скрытых. Он просто принял такое решение, проснувшись сегодня утром, во вторник 11 апреля. Утро, не смотря на все прогнозы, было прохладным, как говорится – не май месяц. До мая было действительно еще далековато, и теплые вещи могли бы пригодиться – это было первое, о чем подумал Дмитрий Сергеевич после принятия своего судьбоносного, как ему казалось, решения. Хотя, было ли оно судьбоносным, Святозаров еще не знал. Да и думать об этом в данную минуту ему совсем не хотелось. Решение было принято и, если о чем и следовало думать сейчас, то о его воплощении в жизнь. Нужно взять деньги, хоть и небольшие, но они у него были – он жил довольно скромно, поэтому всегда удавалось что-то отложить на черный день. Теплые вещи – не зимние, а именно теплые, что-нибудь из продуктов на первое время... «Первое время, неплохо звучит», – подумал Дмитрий Сергеевич, и от этой мысли у него зачесалось левое ухо, как бывало всегда, когда ему в голову приходила какая-нибудь дельная мыслишка. Значит, деньги, вещи, продукты – что еще может понадобится? В голову больше ничего не приходило – все-таки он первый раз уходил из дома насовсем. По крайней мере, ему так казалось, что насовсем. Святозаров сделал себе несколько бутербродов и сложил все, что могло ему пригодиться, в небольшую сумку, с которой обычно ходил в магазин. О будущем, даже самом неотдаленном, думать не хотелось. Поэтому с этого утра, вторника 11 апреля, он решил больше не занимать свои мысли раздумьями о будущем – все должно происходить так, как должно. Тем более, что ничего хорошего или более-менее стоящего, в основном, из всех этих раздумий никогда не выходило. И если чему-то суждено было произойти – это должно было произойти независимо от его мыслей и желаний. Дмитрий Сергеевич включил телевизор на кухне – такой маленький, что в нем помещалась только голова ведущего, налил себе кофе – крепче, чем обычно, и закурил. «Сигареты – вот, что нужно не забыть...». Он пил кофе, не как всегда – быстро и большими глотками, стараясь, в очередной раз, не опоздать на службу, а медленно и протяжно, как будто действительно в последний раз. «Когда еще доведется...» – подумал он ненароком и постарался больше к этой мысли не возвращаться. Она его не тяготила, нет. Она и не могла его тяготить – она была такой настоящей и достоверной, что думать о ней слишком долго было неестественно. Кофе закончился. За время пока он его пил, он успел выкурить две сигареты, чего раньше с ним никогда не бывало. Но это его не особенно беспокоило. Точнее – это его совсем не беспокоило. Его мысли были уже не дома. Дмитрий Сергеевич думал, куда ему направиться, когда он выйдет из подъезда. Было уже позднее утро, а на улицах в это время полно людей, среди которых могли быть и знакомые, а встречаться с кем-нибудь ему в этот раз совсем не хотелось. Идея пришла, когда он посмотрел во двор, на играющих в мяч детей – стадион. Там уж точно никого нельзя встретить, по крайней мере, знакомых. Он быстро встал, взял собранную сумку, натянул куртку, которую не надевал давно, так как она не подходила к костюму и, тем более к традиционному и неотъемлемому при его работе, галстуку, и вышел из дома.

Квартира находилась на четвертом этаже стандартной пятиэтажки. Подъезд, как это свойственно стандартным домам в стандартных городах, был загажен детьми из соседних квартир и их приятелями, которые целыми днями толпились на лестничных площадках всех этажей. Но сегодня, как ни странно, в подъезде никого не было. И это почему-то совсем не удивило Святозарова, хотя в любое другое утро это показалось бы ему чем-то необъяснимым. Но сегодня было тихо. Он спустился по заплыванной лестнице и вышел на улицу. Было дей-

ствительно прохладно, но все-таки уже не так холодно, как могло быть. Весна чувствовалась. Дмитрий Сергеевич не ощущал в душе тяжести, которая обычно бывает, когда принимаешь подобные решения. Почему-то было легко. Единственно, о чем он подумал, оглядываясь на окна своей квартиры – выключил ли он плиту, но это длилось недолго. Он уже жил другой жизнью, еще не понимая, какой, но другой. И ничего сколь-нибудь страшного или неприятного он в этой новой жизни не ощущал. Только предательски урчало в животе. Мысль о безлюдном стадионе его грела, влекла на стадион и потом куда-нибудь дальше. Потом. Сейчас же Святозаров старался не смотреть в лица прохожих, чтобы не наткнуться на знакомого. Его шаг все убыстрялся и убыстрялся, уводя все дальше от дома. Он перестал прислушиваться к утробным звукам и даже улыбался, но как-то по-другому, не как обычно. Настроение было хорошее, чего тоже давно не бывало. «Может, и не было никогда, – подумал Дмитрий Сергеевич, – или, по крайней мере, очень давно...». Настолько давно, что он уже даже и не вспомнил бы когда. Да он и не пытался этого делать...

Впереди показалась вышка с прожекторами – это был стадион. Еще каких-нибудь два квартала и он будет совсем свободен, если не сказать больше. Дмитрий Сергеевич шел уже не так быстро, как в начале, выйдя из подъезда, поскольку цель была более чем обозрима. Он, скорее, шагал. И теперь можно позволить себе закурить. Он и закурил, глубоко затягиваясь. Даже жадно. Так, как будто не курил несколько часов кряду и теперь наверстывал упущенное удовольствие. Так бывало, когда он был увлечен каким-нибудь делом и на перекуры совсем не было времени. Сейчас же он так затягивался, потому что это была его первая сигарета, выкуренная на свободе. И от этого она казалась замечательной, и даже не горчило во рту, как обычно. Приближение границы, а именно так он определил стадион – граница, переступив которую, попадаешь в новую, неведомую жизнь – пьянило. Ощущение было новым и от того странным. Святозарову хотелось закричать от нахлынувшего на него волнения, но он себя сдержал – границу он еще не пересек.

На стадионе, действительно, никого не было. Т. е. не совсем, что бы никого – где-то внизу маячил одинокий бегун, но больше он никого не видел, а может быть, просто не обратил внимания. Стадион пах свежей, только что родившейся травой, а не мертвой, как это бывает осенью, когда и без того ужасная игра местной команды омрачалась еще и этим запахом. И хотя Дмитрий Сергеевич больше всего любил зиму, этот гниющий запах всегда, год за годом, омрачал ее первые дни, и требовалось некоторое усилие, чтобы отрешиться от этого «знойного аромата», и насладиться в полной мере приходом зимы. Снегом и сопутствующими ему изменениями в пейзаже. Сейчас же Святозаров порадовался этим весенним изменениям, и его любовь к зиме на время уступила место созерцательному настроению. Ему нравилось то, что было вокруг, и предчувствие того, что еще могло бы случиться в ближайшее время. Хотя ничего из ряда вон выходящего Дмитрий Сергеевич не ожидал, по крайней мере, сегодня, да и в ближайшие дни тоже.

Святозаров достал бутерброд и принялся жадно его жевать. Так, как будто после завтрака прошло не сорок минут, а целая вечность и голод был единственным, что его занимало. Не прошло и нескольких минут после того, как он занялся бутербродом – рядом появилась женщина. Она не подошла к Святозарову, не подъехала, не подползла – она именно появилась. Ниоткуда. Из ничего.

«Че расселся, мудила! Здесь я околачиваюсь, и те здесь не место». «Я не знал, что здесь занято, простите.» «Ты че – новенький?» Вопрос несколько озадачил Дмитрия Сергеевича, но не смутил. «В каком-то смысле... наверно... да – я новенький...» «Ясно, жена из дома поперла». «Никто меня ниоткуда не попер. И жены у меня нет». «Значит детки родные. Выблядки сраные». «Нет у меня никаких детей. Я сам ушел». «Ладно, не свисти. Сам он ушел. Это с каких же таких херов сейчас сами из дома уходят!». «Ни с каких... Просто ушел». «Ты точно – мудила».

Ее слова не обидели Дмитрия Сергеевича – это была та сермяжная правда, высказанная прямо в глаза, на которую не обижаются. Кем он был всю свою жизнь? Инженер с копеечным окладом, боящийся всего и вся, к своим пятидесяти годам дождавшийся квартиры-скворечника. И не способный, да и не желавший что-либо менять. Он был – мудила. «Мудила...»

С его последними словами незнакомка достала непонятно откуда, из каких-то немислимых недр своих многочисленных карманов бутылку водки.

«Давай выпьем, мудила. За знакомство. Я тетя Дуся». «Святозаров Дмитрий Сергеевич». «Ну, ты хватил, Дмитрий Сергеевич! Митрий будешь. Держи». И протянула ему бутылку, которую она уже успела откупорить. «А стаканчика у вас не будет?» «Ну, еб, мудила. Стаканчик ему. Пей уже».

Дмитрий Сергеевич, или Митрий, как его окрестила тетя Дуся, брезгливо вытер горлышко бутылки и сделал небольшой глоток. Тетя Дуся, тем временем извлекла из своих карманов еще одну бутылку и приложила к ней сама. Тепло внутри Митрия разливалось быстро и уверенно. Он хлебнул еще – на этот раз побольше и закурил. «Как же это ты угораздило-то?» «Да никак, просто вот ушел. Надоело все». «Ну, твое здоровье, Митрий. Да ты пей, не бойся – не отравишься». «Я и не боюсь».

День перешагнул полдень и солнце, не смотря на довольно прохладный ветер, пригревало. Дмитрий Сергеевич разомлел и от теплого солнца, и от выпитого, но больше от новой жизни, которая была вокруг. Как она замечательна. Не нужно никуда спешить, кому-то что-то объяснять и т. д. «Когда допьешь – бутылку не выбрасывай. Сдадим».

Митрий залпом допил то, что оставалось в бутылке. Оставалось еще много, и он поперхнулся, но аккуратно поставил бутылку рядом со своей сумкой. «Бутылки – да! Бутылки нужно беречь – это всегда востребованный товар, за который платят, хоть и небольшие, но, все-таки деньги. А деньги могут всегда пригодиться». Мысли Дмитрия Сергеевича заплетались, как язык после хорошей попойки... Он хотел расстегнуть куртку, так как ему стало нестерпимо жарко, даже душно, но замок заел и никакую не хотел открываться. Руки не слушались. Становилось все труднее дышать. «Это уже совсем ни к чему... Это совсем не вовремя...» «Че, ты бормочешь?» Но Святозаров не слышал ни вопроса тетя Дуси, ни своих последних слов, ничего вообще...

Митрий... Дмитрий Сергеевич Святозаров очнулся, когда уже совсем стемнело. Ничего не болело. Просто ничего не было. Ни рук, ни ног, ни головы. Он ничего не чувствовал. Ничего из того, что могло бы напомнить ему о его собственном существовании. Вокруг тоже никого не было. Дмитрий Сергеевич судорожно пробовал вспомнить или понять, что он делает один на этом стадионе. Что это был стадион – он каким-то образом сообразил – увидел. Несколько больших фонарей освещали футбольное поле и беговые дорожки. Как он сюда попал после работы, ведь он, судя по времени, уже давно должен был сидеть дома, смотреть телевизор и наслаждаться вечерним кофе? Что с ним произошло? И только теперь Святозаров заметил, что он совершенно голый... «Меня раздели. Избили и обобрали... Но почему тогда ничего не болит? Значит, не били, значит, я сам все отдал. Наверно мне угрожали... А может, это был какой-нибудь нищий, которому я сам все отдал? Но почему тогда я ничего не помню?»

Дмитрий Сергеевич пробовал так и эдак объяснить самому себе, что с ним произошло, но все получалось как-то вяло и неубедительно, даже для себя. Он пробовал трясти головой, стучал по ней, но все было тщетно. «Как же теперь домой идти? Мои вещи... А ключи!» Некое подобие паники охватило Святозарова. Его даже начало трясти, но это было скорее от холода. При этом он вспомнил, что запасные ключи есть у соседа Кирилла, которые он оставил давно – так, на всякий случай. Но случай так и не представлялся. До сегодняшнего вечера.

«Где же это тебя угораздило так нализаться, Дмитрий?» «Ключи.» – процедил сквозь зубы Святозаров – его не на шутку бил мандраж. «Кто там, Кирилл?» «Дмитрий за ключами, на – держи. Везет же некоторым. Завтра расскажешь». Последние слова Кирилл произнес почти

шепотом, чтобы не слышала жена. Дмитрий Сергеевич, пряча глаза и прикрывая одной рукой срам, быстро открыл дверь и скрылся в своей квартире, которую, как ему казалось утром, он покинул навсегда. Но об этом он не помнил – ни сейчас, ни когда-либо после. Никогда... Он не включал свет, не стелил постель – просто упал на пол. Упал и уснул крепким сном. Сном смертельно уставшего человека. Так и закончился это день. День начала новой жизни Дмитрия Сергеевича Святозарова.

июль 2002 года

Деньги кончились – пора подумать о жизни вечной

Такие мысли приходят по утрам, когда понимаешь, что три пачки выкуренных накануне сигарет и изрядное количество спиртного, выпитого тогда же – это слишком много, даже для здорового человека, а я таковым не являюсь. Причем, не являюсь таковым уже давно, что, к сожалению, не останавливает меня в проведении вышеперечисленных мероприятий. К счастью или к сожалению (уж и не знаю, как к этому вопросу относиться), данные события происходят все реже и реже, что дает хоть какую-то надежду на то, что одно прекрасное утро не закончится для меня плачевно.

Но деньги, тем не менее, кончились, и о чем-то думать надо. И если уж не о жизни вечной то, хотя бы, о том, где эти самые деньги могут находиться в данный момент и каким образом нам с ними встретиться. Потому что звонить по данному вопросу кому бы то ни было – бесполезно. Во-первых, потому что слишком рано, во-вторых, местонахождение требуемого предмета в данном месте (т. е. у предполагаемого адресата) маловероятно. А значит, как говорят умные государственные люди (или не очень умные), необходимо искать внебюджетные (хотя как они выглядят, даже приблизительно – ума не приложу) способы пополнения бюджета. Таких способов у меня в наличие нет, а значит, нужно искать альтернативные источники энергии.

Начать свои поиски я решил с обыска собственных карманов. А так как карманов в доме довольно много – на это может уйти масса времени, а его у меня предостаточно, с точки зрения вечности. И полное его отсутствие, с точки зрения головной боли. Но начать я решил, как и всякое большое дело, с малого перекура. Но и это оказалось не так просто сделать. Поскольку вчера я выкурил последние три пачки (как и было указано ранее) – поиски пришлось начать с табачных изделий или с их остатков в виде окурков, или в виде случайно завалившейся куда-нибудь целой сигареты, что было мало вероятно, так как чудеса – это поле деятельности волшебников, а я в это поле не попадаю. И уж тем более, не отношусь к волшебникам. Даже к их ученикам. Поэтому, как я уже и говорил выше, довольствоваться пришлось окурками, которые, к счастью, я вчера не выкинул. О, дым отечества!

После того как долгожданный никотин желтой ядовитой струйкой вполз в мои легкие, измученный (почти нарзаном) организм захотел пить. Вот тут-то я и ощутил на себе всю прелесть развитого социализма, капитализма и всех других – измов – воды в кране не было... Еще ее не было в чайнике, в банке, в бутылке. В общем, нигде, где обычно может находиться хоть какая-нибудь жидкость. Далее свои поиски я направил к бутылкам из под выпитого накануне, поскольку, как мне казалось, в них что-то могло бы остаться, хотя бы из сострадания. Но сострадание – такая вещь, которая если есть, то ее сразу нет. Надежда на что-то хорошее в жизни – таяла. И таяла она так же быстро, как и само желание жить.

Думать о жизни вечной мне приходилось и раньше, но условия, в которых я этим занимался до этого, были менее экстремальны и менее приближены к боевым. А воевать, как я уже понимал, придется за каждый сантиметр, т. е. – за каждый имеющийся в моем распоряжении карман. А карманов в моем распоряжении было предостаточно. Значит, как я понял, бои будут затяжными, а времени, т. е. – здоровья оставалось все меньше и меньше...

Проверив в первую очередь карманы, в которых я был вчера и, ничего там не обнаружив, что и следовало ожидать, я обратил свой мутный взор к шкафу. Открыв сразу все двери, потревожив тем самым завтракающую моль, я с надеждой и воодушевлением взирал на этот остров сокровищ, таивший в себе все золото мира – сразу, ну или хотя бы его малую часть. Очень малую.

Свое путешествие по острову я начал с осеннего пальто. Серого в елочку, которое служило мне долгие годы и имело целых шесть довольно объемных карманов, что внушало опре-

деленный оптимизм. К тому же в неравной борьбе с молью – пальто явно вышло победителем, поскольку явных пробоин, т. е. ранений – не было заметно. Но, к моему огромному сожалению, этот положительный факт не сказался положительным образом на моем самочувствии – деньги пока не обнаружились, не смотря на шесть объемных карманов и отсутствие ранений... Но шанс все-таки оставался. В виде двух курток, двух пиджаков и истертых временем джинсов. Хотя на джинсы надежды почти не было, но само их присутствие добавляло процентов к общему успеху моего почти безнадежного мероприятия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.